

ОТ АВТОРА

Дорогие мои друзья, я безумно рада встретиться с вами вновь! Мне так приятно, что вы держите в руках эту замечательную книгу!

В своих письмах довольно часто вы задаете мне один и тот же вопрос: как отличить мои новые книги от тех, которые были изданы несколько лет назад, ведь теперь у них двойные названия? Это очень просто. На новых книгах написано: **НОВИНКА**. На книгах, написанных несколько лет назад: **НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ**. Поэтому будьте просто внимательны.

Я бесконечно благодарна читателям, которые собирают мои книги в разных обложках и имеют полные серии всех изданных книг. Для меня это большая честь и показатель, что я нужна и любима. Переиздания заново отредактированы, а у меня появилась потрясающая возможность вносить дополнения, размышления и, как прежде, общаться с вами на страницах своих романов. Теперь я могу отвечать на ваши письма и вопросы в конце книг, рассказывать, что творится в моей творческой жизни, да и просто открывать вам свою душу. Для меня всегда важен диалог с читателем.

На этот раз я представляю на ваш суд ранее издававшийся роман под новым названием «Согрей меня, или Научи меня прощать». Думаю, что роман обязательно понравится тем, кто будет читать его впервые, а если кто-то захочет приобрести книгу в новой редакции, я думаю, он не разочаруется, перечитав роман заново. Я сама перечитала эту книгу совсем недавно и получила колоссальное удо-

вольствие. Книга живая, интересная и динамичная. Искренне надеюсь на то, что она вас не разочарует и придется по душе.

Спасибо за ваше взаимопонимание, любовь к моему творчеству, за то, что все эти годы мы вместе. Мне радостно, что мои книги в новом издании представляют для вас ничуть не меньшую ценность, чем те, которые только что вышли из под моего пера. Спасибо, что вы помогли мне подарить этой книге новую жизнь. Если вы взяли в руки эту книгу, значит, поддерживаете меня во всех моих начинаниях. Мне сейчас, как никогда, необходима ваша поддержка...

Я бесконечно благодарна вам за любовь, неоценимую поддержку, дружбу, за то, что наша с вами любовь неразрывна.

Заходите на мой сайт: WWW.SHILOVA-AST.RU

На этом сайте я с удовольствием общаюсь со своими поклонниками. Если вы еще не с нами, то обязательно присоединяйтесь. Мы очень ждем. У нас образовалась самая настоящая семья. На форуме моего сайта мы делимся радостями, горестями, переживаниями и протягиваем друг другу руку помощи. МЫ КОМАНДА. Там собрались самые красивые, самые прекрасные и просто потрясающие люди, от которых идет свет и тепло. Приходите! Не пожалеете! Я буду ждать!

Не забывайте, что поменялся адрес для ваших писем. Пожалуйста, не пишите на старый. Он больше не существует.

Новый адрес:

129085, Москва, абонентский ящик 30.

До встречи в следующей книге. Я приложу все усилия, чтобы она вышла как можно быстрее.

*Любящий вас автор,
Юлия Шилова*

Успех следует измерять не столько положением, которого человек достиг в жизни, сколько теми препятствиями, какие он преодолел, добиваясь успеха.

Д. Вашингтон

Пролог

Сидя перед камином, я скармливала прожорливому пламени страницу за страницей толстую тетрадь своего дневника и... старалась сдерживать слезы.

— Я не хочу об этом никогда вспоминать. Что было, то было, — говорила я сама себе и тихонько всхлипывала. — Все уже в прошлом... Дневники ведут те, кто живет прошлым. А я больше не собираюсь жить прошлым. У меня просто нет сил на это. Я хочу жить будущим. А если не смогу жить будущим, то хотя бы настоящим. Когда живешь прошлым, разрушаешь себя по частям, уничтожаешь душу и съедаешь саму себя по кусочкам. Самоедство довольно страшная штука. Ты пишешь о том, что было сегодня, но по-любому захочешь потом полистать дневник и почитать о том, что было вчера, позавчера, месяц назад, год, два, три, пять... И тогда оживут эти воспоминания, и ты начнешь заново проживать прошлое...

Оторвав взгляд от камина, я посмотрела в окно и увидела, что на улице уже успело стемнеть. Где-то там, за моим темным окном, текла жизнь. Кто-то пришел с работы, сел ужинать и заговорил со своими близкими о том, как прошел день. Кто-то пошел в кино на вечерний сеанс и наслаждается просмотром хорошего фильма. Кто-то встретился с друзьями в кафе и потягивает из чашечки ароматный жасминовый чай. И только я, наедине со своими мыслями, смотрю на огонь и отдаю ему страницу за страницей в надежде на то, что сейчас все сгорит, прошлое меня навсегда отпустит и я почувствую ни с чем не сравнимое облегчение.

Сжигая страницу за страницей, я прощалась со своими воспоминаниями, чувствовала острую душевную боль и слепо верила в то, что боль обязательно пройдет, потому что она не может длиться вечно.

Она притупляется и не ощущается столь остро. Все закончится долгожданным, исцеляющим облегчением.

Как только одна тетрадь была сожжена, я тут же взяла вторую и открыла первую страницу. Перед глазами возникли так и не забытые слова. Взяв бокал красного терпкого вина, я сделала глоток и вырвала одну из страниц. Собираясь с духом, чтобы бросить ее в огонь, я почувствовала, как какая-то непреодолимая сила еще раз заставила меня пробежать глазами написанное. И в очередной раз передо мной возникло то, что произошло тем роковым вечером...

Я плохо помню, что произошло.

Зимой довольно рано темнеет. Я шла к своему подъезду, смотрела на красивый пушистый снег и чувствовала себя почти счастливой... Я научилась быть счастливой от элементарных вещей и даже от того, что пошел долгожданный снег и все деревья оделись в роскошные белоснежные одежды. Я ловила снежинки в свои ладони и, как только они таяли, тут же принималась ловить новые. На моем лице появилась безмятежная улыбка, а в моих глазах светилась радость от того, что вокруг тихо, хорошо и спокойно. Где-то прогуливались счастливые парочки. Кто-то гулял с собакой, а кто-то парковал машину на находящуюся рядом с домом стоянку.

Зайдя в пустой подъезд, я прошла мимо почтовых ящиков и направилась к лифту.

Я не поняла, откуда он взялся. Незнакомец успел заскочить в лифт следом за мной, когда уже закрывались двери. Все произошло слишком быстро. И я оказалась в лифте с незнакомым мужчиной. Только позже, от правоохранительных органов, я узнала, что мой убийца ждал меня, притаившись под лестницей.

Меня даже не успела охватить паника. У меня совершенно не было времени ни для того, чтобы молить о пощаде, ни для того, чтобы попытаться себя защитить. Все

произошло буквально за считанные секунды. Человек, так молниеносно заскочивший в лифт, заставил меня потерять сознание всего лишь от одного удара по голове. Он нанес его в тот момент, когда я еще не успела опомниться, прокрутить ситуацию и подумать о том, что происходит. Мое тело поползло по стенке лифта, а затем я потеряла сознание, и с грохотом упала на пол, ударившись головой.

На секунду я пришла в себя, но от сильнейших ударов ногами, которые наносил мне убийца, снова проваливалась в черную яму. А затем... Затем я помню, как пришла в себя еще раз, совсем ненадолго. Незнакомец сдернул с моей шеи косынку, сел на корточки, расстегнул верхние пуговицы залитой кровью дубленки и взял мою тонкую длинную шею в свои могучие, сильные руки. Я не просила его меня пощадить.

По той причине, что я просто не могла говорить, а из моей груди вырывались только едва слышные, слабые хриплые стоны. Я почти ослепла — мои глаза застилала кровь. Но все же, несмотря на непрерывный гул в ушах и затуманенное сознание, я услышала последние слова убийцы:

— Что ж ты, девка, такая хрупкая, а такая живучая?! Говорил же, надо пулю в тебя всадить, так нет, меня уверили, что ты на ладан дышишь. На тебе же места живого нет, а жизнь еще тлеет. Жить хочешь... Оно и понятно, да только хрен у тебя это получится. Все мы там будем...

Мужчина нервно рассмеялся и принялся сжимать мою шею. А мне... мне совсем не было больно. Просто в глазах вновь стало темно, и где-то глубоко в подсознании мелькнула мысль о том, что меня уже нет. Или почти нет. Где-то по-прежнему бурлит жизнь, но меня в ней уже нет. Сегодня меня не стало, и эта жизнь бурлит без меня. Я уже почти не дышала.

Я хотела одного — чтобы это как можно быстрее закончилось. Как можно быстрее...

* * *

Пригубив вино, я вновь скормила несколько страниц прожорливому огню и, вырвав из тетради следующий листок, пробежала его глазами.

...Все врачи в один голос заявили, что я родилась в рубашке, потому что вообще-то после той трагедии, которая со мной произошла, у меня не было никаких шансов выжить. Убийца не придушил меня до конца, потому что лифт вдруг остановился, двери открылись, и нас увидели ожидавшие лифт люди. Убийца тут же бросился прочь и, воспользовавшись общим смятением, покинул подъезд. Врачи говорят, что я осталась в живых по двум причинам. Если бы лифт открылся минутой позже и карета «скорой помощи» по великой случайности не проезжала после очередного вызова мимо моего дома, все для меня закончилось бы гораздо печальнее.

После произошедшего я недосчиталась сущих мелочей: кошелька, сережек, мобильного телефона. Несмотря на то что мой убийца и представил случившееся как грабеж, эту версию хоть и приняли во внимание, но не как основную. Уж больно жестоким для грабежа было избиение. Как-то не правдоподобно.

Так что основной версией рассматривалось заказное убийство. Даже в реанимации, едва придя в сознание, я мысленно прокручивала слова напавшего на меня человека, прочно засевшие в моей голове: «...Говорил же, что надо пулю в тебя всадить, так нет, меня уверили в том, что ты на ладан дышишь».

Впереди были долгие месяцы борьбы за жизнь.

К глубокому удивлению врачей, которые собрали мое лицо буквально из кусочков, я смогла полностью восстановиться. Мне даже вернули тот внешний вид, который был ранее. Больше всего я переживала за свой раздробленный нос. Но современная хирургия достигла великолепных результатов, и сейчас форма моего носа ничем не отличается от той, которую он имел до того страшного вечера.

Бог дал мне силы, и ко мне вернулось здоровье.

И это несмотря на многочисленные гематомы, на частичное кровоизлияние в мозг и другие малоприятные вещи. Когда я вышла из больницы, на улице уже было тепло, а от того рокового снежного вечера остались лишь воспоминания...

Огонь начал скручивать брошенный в него листок дневника, а в моих руках был уже следующий.

Я не очень люблю вспоминать о днях, проведенных в больнице, о постоянных повязках на лице, об изнурительных процедурах, плохом самочувствии и сострадании медицинского персонала. Когда я шла по коридору, медсестры смотрели на меня глазами, полными жалости, и озадаченно качали головами:

— Господи, кто ж тебя так... Что ж за изверг... Сколько тебе, милая, пришлось натерпеться...

Я как-то глупо улыбалась, и становилось непонятно, кто кого пытался успокоить и приободрить: я медицинский персонал или медицинский персонал меня. Тогда я не понимала, что именно они имеют в виду, чего мне пришлось натерпеться. Ведь в тот злополучный зимний вечер мне не было больно. Меня убивали, а я просто хотела, чтобы это как можно быстрее закончилось. Мне стало невыносимо больно потом, когда я поняла, что я осталась жива...

В больнице я часто смотрела в окна на черные силуэты деревьев, и они заставляли меня думать о том, что где-то там, далеко, существует смерть. Наблюдая за прощальным разгулом зимы, я смотрела в небо и просила у бога здоровья и сил. И бог услышал мои молитвы, вернув здоровье и жизненно необходимые силы. Я уже привыкла к визитам оперативников, рассматривала фотороботы, фотографии и ощущала, как на меня наваливается шквал различных воспоминаний. Я беседовала с многочисленными психологами, которые убеждали меня в том, что я лицом к лицу встретила с демоном и он не смог взять надо мной верх, что теперь я должна все забыть и продолжать жить. Продолжать жить... Легко сказать и как трудно продолжить.

Я часто думала о том, что не сделала в жизни ничего плохого. Никому... Разве только всегда отстаивала свою честь и никогда не изменяла чувству собственного достоинства.

Бросив очередной листок в камин, я вновь вернулась в воспоминания и представила себя во все той же больнич-

ной палате с сидящим напротив психологом. Он требовал от меня результатов, а я заметно нервничала и просила его дать мне время для того, чтобы посмотреть на мир теми глазами, которыми я смотрела раньше. Психологи необычайно жестокие люди. Они учат нас жить и не терпят, если их уроки проходят даром. Они навязывают нам свои мысли, эмоции и убеждают нас в своей правоте.

Задумчиво посмотрев на постепенно затухающее пламя, я бросила в него еще несколько страниц дневника и принялась читать то, что первым попало мне на глаза. Одним словом, я вновь вырвалась из настоящего и опять пересеклась с прошлым.

Это был вполне обычный день. Одна из медсестер сказала, что ко мне пришел гость и если я не против, то сейчас он поднимется. В тот момент я лежала под капельницей и чувствовала себя отвратительно. Увидев в дверях человека, с которым прожила несколько лет, я сморщилась от недовольства и посмотрела на чересчур огромный букет роскошных роз вполне равнодушным взглядом. ОН сел рядом, заметно занервничал и как-то глупо улыбнулся.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты выглядишь просто паршиво? — Видимо, ОН попытался меня немного развеселить, но это была неуместная шутка.

— Да, я слышу подобные комплименты каждый день.

Я внимательно посмотрела на того, которого когда-то любила, и отметила про себя, что его волосы чересчур растрепаны, а глаза странно воспалены и налились кровью. А еще от него несло перегаром.

— Веселился где-то?

— Нет. Я просто узнал, что с тобой произошло. Я чуть с ума не сошел. Я... Почему ты мне не позвонила? Почему я узнал об этом последний? Почему ты не захотела мне сообщить?

— Зачем?

— Как это зачем? Мы с тобой столько лет прожили, а ты спрашиваешь — зачем? Может, тебе нужна моя помощь?

— Я уже почти год обхожусь без твоей помощи. Мне не привыкать.

— И кто в этом виноват?

— Я, конечно. — Я даже не задумалась над ответом, потому что уже тысячу раз так же отвечала на подобный вопрос. Почувствовав гул в ушах, я посмотрела на сидящего рядом мужчину усталым взглядом и тихо произнесла: — Я сейчас слишком слаба для того, чтобы объяснять тебе причины, по которым я не хочу с тобой жить. Мне кажется, я тебе уже все сказала. Я не хочу и не могу повторяться. Прости.

— Это все твой дурацкий характер.

— А при чем тут мой характер?

— При том, что ты сознательно разрушила наши с тобой отношения. И вот результат.

— Какой результат?

— Результат того, что ты осталась одна. Не успели мы с тобой расстаться, как ты тут же стала жертвой грабителя. При нашей совместной жизни не наблюдалось ничего подобного.

— Ты хочешь сказать, что во всем, что со мной произошло, виновата я сама?

— Шляешься где-то по ночам... А нормальные женщины сидят в это время дома вместе со своими мужьями.

— Все произошло не ночью, а вечером. Просто зимой рано темнеет.

— Какая разница?! Наверное, сама спровоцировала своего грабителя.

— Чем?

— Длинными сапогами, тонкими чулками и короткой дубленкой.

— Если бы я была так одета и таким образом спровоцировала его, перед тем как убить, он бы сначала меня изнасиловал.

— Подожди. У тебя еще все впереди.

— Что значит «у меня впереди»?

— Поживешь еще немного без мужа, тебя не только ограбят, но и изнасилуют.

— Да пошел ты!

Дотянувшись до прикроватной тумбочки, я взяла металлическую кружку и кинула ее в сторону некогда близкого мне

человека, но он вовремя пригнулся, и кружка пролетела мимо его головы. Увидев на моих глазах слезы, он склонился ко мне как можно ближе и заговорил, словно в бреду:

— Прости. Я сам не знаю, что со мной творится, что творится с нами. Я старался... Ведь мы неплохо жили! Ну скажи же, что неплохо! А ты перечеркнула все в один день. Жирной чертой. Ты сама совершенно сознательно разбила нашу семью. Я же говорил, что ты без меня пропадешь. Говорил! Ты без меня не сможешь... Ты никогда не найдешь того, кто бросит к твоим ногам целый мир...

— Я никого не ищу.

— Ты не сможешь долго одна. Придет время, и ты будешь кого-то искать. Обязательно будешь. Я видел тебя с мужчиной. Скажи, ты с ним спишь?

— Что?! — Я буквально оцепенела от хамского вопроса.

— Я же тебя ясно спросил: ты спишь с тем мужиком, с которым я видел тебя в парке?

— Это тебя не касается. Никто не лишал меня права на личную жизнь. Ты тоже не одинок.

— Я не одинок, потому что ты меня выгнала. Как бродячего пса. Просто открыла дверь, выставила вещи в коридор и попросила больше никогда не появляться в твоей жизни.

— Все было совсем не так. О своем решении расстаться с тобой я сообщила совершенно деликатно за ужином, с бокалом вина в руке. Я не скандалила и не впадала в бабскую истерику. Я просто сказала тебе, что все кончено, что у меня своя система ценностей и ты не вписываешься в нее никаким боком. Я призвала тебя расстаться красиво. Без слез, взаимных оскорблений и ненависти друг к другу. Да, были моменты, когда нам было хорошо вместе, но их было слишком мало для того, чтобы продолжать дальнейшую совместную жизнь. Я говорила с тобой совершенно серьезно, но ты не принял мои слова всерьез, потому что уже давно разучился относиться ко мне серьезно. Ты просто вышел из-за стола и ушел смотреть телевизор. А утром уехал в так называемую командировку.

— И когда я вернулся, мои вещи были на улице, а замки в квартире заменены.

— Я же объявила тебе о своем твердом решении расстаться. Я не виновата в том, что ты всегда меня игнорировал. Твоя командировка затянулась на несколько месяцев.

— Я хотел, чтобы ты остыла. Хорошенько подумала, все взвесила и поняла, что мы единое целое. Мы семья.

— Давай не будем пускаться в дебаты по поводу твоей затяжной командировки. Ты неплохо провел время на вольных хлебах и даже временно позабыл о моем существовании. Все это в прошлом. Я больше не хочу его ворошить. Я очень устала от всего этого.

— Ты развалила нашу семью и избавилась от меня, как от ненужной, надоевшей вещи, — уже в сотысячный раз принялся упрекать меня бывший супруг.

— И ты сразу пошел искать утешения к другой женщине.

— Ты же прекрасно знаешь, что это только до того момента, пока ты не позовешь меня обратно.

— Я никогда тебя не позову.

— Но почему?

— Потому что мне совершенно не хочется снова начинать жить так, как я жила раньше... Когда я думаю о нашей с тобой совместной жизни, мне становится по-настоящему страшно.

— Что-то, когда мы с тобой жили, я твоих страхов не замечал.

— Потому что, когда мы с тобой жили, я была слишком безмолвна и слишком опустошена для того, чтобы вообще что-то чувствовать.

— Люба, я больше так не могу. У меня не получается жить и знать, что ты не моя. Давай поговорим по душам.

— Ты столько лет не интересовался моей душой, так о какой душе мы можем говорить сейчас?

— Но ведь прежде чем начать совместную жизнь, мы с тобой договорились, что это навсегда.

— В тот день, когда я произносила эти слова, я и подумать не могла, что ты предложишь мне жизнь, выкрашенную в цвет боли и ненависти. Извини, но ты позабыл предупредить меня об этом.